

Методология борьбы с экстремизмом в киберпространстве: опыт Шанхайской организации сотрудничества¹

Кириленко В. П.^{*}, Хлутков А. Д., Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

РЕФЕРАТ

Совокупность научных методов, используемых при исследовании экстремистского дискурса в киберпространстве, преследует цели защиты традиционных духовных ценностей, таких как суверенитет государства, права и свободы человека, историческое и культурное наследие. Опыт государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по имплементации региональных международных соглашений, направленных на борьбу с экстремизмом, должен применяться при организации противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием цифровых технологий.

Цель. Охарактеризовать подходы к борьбе с экстремизмом в киберпространстве в рамках ШОС и определить методику оценки степени общественной опасности проявлений экстремизма.

Методы. Исследование экстремизма в ШОС применяет сравнительно-правовой метод при постановке проблемы криминализации экстремистских практик и использует дискурс-анализ проблемы экстремизма в киберпространстве для оценки общественной опасности радикальной идеологии.

Результаты. В борьбе с экстремизмом используется три группы методов: методы правового регулирования, методы изучения и оценки общественной опасности экстремистских материалов и методы научного исследования экстремизма. Запретительное правовое регулирование в киберпространстве применяется к медиаконтенту, который по заключению лингвистической экспертизы содержит признаки материалов экстремистского характера. Доктринальную основу для правовой оценки лингвистической экспертизы экстремистских материалов составляют социально-правовые исследования, которые проводятся в государствах — членах ШОС.

Выводы. Пропаганда экстремизма в киберпространстве квалифицируется как злоупотребление свободой слова ввиду того, что экстремистская идеология приводит к терроризму. Консенсус в ШОС относительно необходимости борьбы с экстремизмом опирается на систему методов научного исследования радикальной идеологии, среди которых дискурс-анализ и нарративные диалоговые исследования будут играть все более возрастающую роль по мере цифровой трансформации.

Ключевые слова: дискурс-анализ, терроризм, ШОС, нарратив, радикализация, лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Кириленко В. П., Хлутков А. Д., Алексеев Г. В. Методология борьбы с экстремизмом в киберпространстве: опыт Шанхайской организации сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 29–42.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-29-42>

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы № 122112800080-3 «Глобальный индекс экстремизма: социальная функция и методики измерения».

Methodology for Combating Extremism in Cyberspace: Experience of the Shanghai Cooperation Organization

Viktor P. Kirilenko*, Andrey D. Khlutkov, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

ABSTRACT

The studies of extremist discourse in cyberspace use set scientific methods to protect traditional spiritual values, such as state sovereignty, human rights and freedoms, historical and cultural heritage. The experience of the member States of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) on the implementation of regional international agreements aimed at combating extremism should be applied in the organization of countering extremist crimes committed using digital technologies.

Aim. To characterize approaches to combating extremism in cyberspace within the SCO and to determine the methodology for assessing the degree of public danger of manifestations of extremism.

Methods. The study on extremism in SCO apply a comparative legal method when posing the problem of criminalization of extremist practices and use discourse analysis of the extremism in cyberspace problem for assessing the public danger of radical ideology.

Results. Three groups of methods are used in the fight against extremism: methods of legal regulation, methods of studying and assessing the public danger of extremist materials and methods of scientific research of extremism. Prohibitive legal regulation in cyberspace is applied to media content that, according to the conclusion of linguistic expertise, contains signs of extremist materials. The doctrinal basis for the legal assessment of the linguistic expertise of extremist materials is the socio-legal research conducted in the SCO member states.

Conclusions. The propaganda of extremism in cyberspace qualifies as an abuse of freedom of speech, since extremist ideology leads to terrorism. The SCO consensus on the need to combat extremism is based on a scientific methods system for radical ideology research, among which discourse analysis and narrative dialogue research will play an increasing role with the digital transformation.

Keywords: discourse analysis, terrorism, SCO, narrative, radicalization, linguistic expertise

For citing: Kirilenko V. P., Khlutkov A. D., Alekseev G. V. Methodology for Combating Extremism in Cyberspace: Experience of the Shanghai Cooperation Organization // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 29–42. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-29-42>

Введение

Лидеры государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) солидарны в понимании угроз, исходящих от экстремистской идеологии. Президент Российской Федерации В. В. Путин и премьер-министр Республики Индия Н. Д. Моды (Narendra Damodardas Modi) в Совместном заявлении от 6 декабря 2021 г. осудили «терроризм во всех его формах и проявлениях и призвали международное сообщество интенсифицировать сотрудничество в борьбе с терроризмом, включая ... радикализацию и злонамеренное использование информационно-коммуникационных технологий для распространения экстремистского, террористического и иного противоправного контента»¹.

¹ Совместное заявление по итогам XXI российско-индийского саммита «Россия — Индия: партнерство во имя мира, прогресса и процветания» [Электронный ресурс] // Президент России. 06.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5745> (дата обращения: 07.11.2023).

Председатель Китайской Народной Республики (КНР) Си Цзиньпин последовательно призывает к противостоянию «общему врагу человечества» — экстремистам и террористам¹. Китайское правительство ответственно заявляет, что оно сталкивается с ростом исламского экстремизма, особенно в Синьцзяне, где за последние годы в результате насилия погибли сотни человек и где сепаратисты хотят создать независимое государство под названием Восточный Туркестан². Исламское движение Восточного Туркестана — экстремистская организация³, активно продвигающая свою радикальную идеологию в киберпространстве [3].

Политика борьбы с экстремизмом в ШОС

Анализ национальной политики борьбы с экстремизмом может значительно различаться на национальном уровне, однако угрозу, исходящую от насильственного экстремизма в киберпространстве, осознают абсолютно все ответственные политические лидеры. Президент Ирана Эбрахим Раиси в приветствии к участникам XVIII Международного мусульманского форума «Справедливость и умеренность: божественные принципы миропорядка» в декабре 2022 г. отметил общность понимания Тегерана и Москвы в вопросе борьбы с религиозным экстремизмом⁴.

Президент Республики Казахстан Ж. К. Токаев отмечает: «Мы неуклонно следуем по пути последовательной трансформации общества и внедрения демократических принципов. При этом в условиях нарастающей политической и экономической турбулентности в мире критически важно обеспечить в стране диктатуру закона и порядка. Государство будет твердо проводить политику нетерпимости к любым проявлениям радикализма, экстремизма, правового нигилизма, бытового вандализма»⁵.

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев признает необходимость сотрудничества в борьбе с религиозным радикализмом, терроризмом и вовлечением молодежи в экстремистскую деятельность⁶. Президент Таджикистана Э. Рахмон также называет серьезной опасностью вовлечение части молодежи в экстремистские группировки и призывает всех силовиков «всегда быть начеку и готовыми в борьбе с указанными угрозами и опасностями и попытками нарушить нормальное положение общества»⁷.

Идеология экстремизма в современном мире становится все более подвержена влиянию цифровой трансформации [18]. Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании коллегии Федеральной службы безопасности 28 февраля 2023 г. особо подчеркнул, что необходимо продолжить работу «по выявлению и пресечению действий тех, кто использует Интернет и социальные сети для пропаганды идеологии терроризма и экстремизма, кто пытается вовлечь в террористические группировки наших граждан»⁸.

Юридические методы борьбы с экстремизмом

Формально-правовые и сравнительно-правовые методы исследования законодательства о борьбе с экстремизмом отражают официальные взгляды законодателя на проблему экстремизма и создают основу для дискурсивного анализа политических решений в сфере противодействия экстремизму.

¹ Feature: Xi Jinping — On war against «common enemy of mankind» [Электронный ресурс] // Xinhua. 11.09.2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-09/11/c_1310181993.htm (дата обращения: 07.11.2023).

² President Xi urges Chinese Muslims to resist religious «infiltration» [Электронный ресурс] // Reuters. 21.07.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-china-politics-islam-idUSKCN1010D5> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Eastern Turkistan Islamic Movement. QDe.088. 07 April 2011. Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Раиси отметил общность Ирана и России в борьбе с религиозным экстремизмом [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 08.12.2022. URL: <https://vestnikavkaza.ru/news/raisi-otmetil-obsnost-irana-i-rossii-v-borbe-s-religioznm-ekstremizmom.html?ysclid=lojnmahvgp932394064> (дата обращения: 07.11.2023).

⁵ Токаев анонсировал продолжение политики нетерпимости к любым проявлениям радикализма // ТАСС. 24.10.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19097967?ysclid=lo3z08p1nu184334773> (дата обращения: 07.11.2023).

⁶ Мирзиёев призвал к борьбе с исламофобией в мире [Электронный ресурс] // Sputnik. 20.07.2023. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20230720/mirzиеv-islamofobiya-1058364746.html> (дата обращения: 07.11.2023).

⁷ Рахмон назвал серьезной опасностью вовлечение части молодежи в экстремистские группировки [Электронный ресурс] // ТАСС. 09.11.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16279019?ysclid=lo43agc9sj332011560> (дата обращения: 07.11.2023).

⁸ Заседание коллегии ФСБ России [Электронный ресурс] // Президент России. 28.02.2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/70597 (дата обращения: 07.11.2023).

В Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» 2001 г. термин «экстремизм» определяется как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством» (п. 3 ст. 1).

Конвенция ШОС по противодействию экстремизму 2017 г. определяет термин «экстремизм» через идеологию и практику, которые направлены «на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» (пп. 2 п. 1 ст. 2).

В Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью понимаются в том числе «публичные призывы к осуществлению экстремистских деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения» (п. 1 ст. 1).

Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» выделяет национальный и религиозный экстремизм (п. 1 ст. 1). Закон Республики Узбекистан от 30.07.2018 № ЗРУ-489 «О противодействии экстремизму» определяет термин «экстремизм» как «выражение крайних форм действий, направленных на дестабилизацию общественно-политической обстановки, ... возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды» (ст. 3).

Закон Республики Таджикистан от 2 января 2020 г. № 1655 «О противодействии экстремизму» определяет «экстремизм» как «выражение идеологии и экстремистской деятельности, направленное на решение политических ... и религиозных вопросов насильственным путем и другими противозаконными действиями» (ст. 1).

Закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2023 г. № 40 «О противодействии экстремистской деятельности» понимает под экстремистской деятельностью в том числе «возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)», «изготовление, распространение экстремистских материалов», «использование атрибутики и символики экстремистской организации» (п. а ст. 4).

Закон «О национальной безопасности КНР» 2015 г.¹ нацелен на поддержание суверенитета безопасности и национальных интересов в киберпространстве в том числе путем пресечения «распространения незаконной и вредной информации» (ст. 25). Государство стремится «предотвращать и противостоять влиянию вредной культуры, поддерживать свое идеологическое доминирование ...» (ст. 23). В соответствии с Законом «О кибербезопасности КНР» 2017 г.² «любое лицо и организация, использующие сети, обязаны соблюдать Конституцию и законы, соблюдать общественный порядок и уважать социальную мораль; ... они не должны подстрекать к подрыву национального суверенитета, свергать социалистическую систему, разжигать сепаратизм, разрушать национальное единство, пропагандировать терроризм или экстремизм, пропагандировать этническую ненависть и этническую дискриминацию...» (ч. 2 ст. 12). В КНР принят закон «О борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе» 2017 г., где под экстремизмом понимается религиозная радикализация общества.

В Исламской Республике Иран (ИРИ) проблема борьбы с экстремизмом рассматривается в религиозном контексте на конституционном уровне [7]. Правительство Ирана 31 декабря 2002 г. издало «Декрет о конституционном комитете, отвечающем за определение несанкционированных сайтов», в котором фактически вводится цензура, контроль осуществляется Высшим советом культурной революции и другими государственными органами. Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи издает религиозные фетвы, которые запрещают определенные сайты в Интернете. Борьба с экстремизмом в ИРИ осуществляется посредством применения уголовного законодательства (Islamic Penal Code). Так,

¹ National Security Law of the People's Republic of China (2015) [中華人民共和國國家安全法] Order No. 29 of the President.

² Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2017) [中華人民共和國网络安全法] Order No. 53 of the President.

например, «в августе 2014 года по ст. 262 УК ИРИ был осужден и приговорен к смертной казни иранский блогер Сохейль Араби за то, что он оскорбил пророка Мухаммеда в социальной сети Фейсбук»¹ [4, с. 35].

Закон Индии «О предотвращении незаконной деятельности» 1967 г. (Unlawful Activities Prevention Act — UAPA) был дополнен в 2004 г. положениями относительно действий, которые «совершены с намерением угрожать ... единству, целостности, безопасности [экономической безопасности] или суверенитету Индии или с намерением посеять террор среди людей или с вероятностью посеять террор в Индии или любой другой стране».

В Пакистане наряду с Законом «О борьбе с терроризмом» 1997 г. (Anti Terrorism Act) действует Закон «О предотвращении электронных преступлений» 2016 г. (Prevention of Electronic Crimes Act), который устанавливает уголовную ответственность на срок до четырнадцати лет с дополнительным наказанием в виде штрафа за: 1) прославление терроризма (glorification offence, sec. 9); 2) кибертерроризм (cyber terrorism, sec. 10); 3) риторику ненависти (hate speech, sec. 11); 4) рекрутирование, финансирование и планирование терроризма (recruitment, funding and planning of terrorism, sec. 12)².

В ШОС государства-наблюдатели также осуществляют противодействие терроризму и экстремизму на законодательном уровне. В Монголии действуют законы «О борьбе с терроризмом» от 23 апреля 2004 г. и «О борьбе с отмыванием денег и с финансированием терроризма» 2006 г. [19]. Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» определяет экстремизм как деятельность «по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность» в том числе путем «распространения в этих целях заведомо ложных сведений» (ст. 1). В соответствии с Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 575 «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» ведется перечень лиц «причастных к экстремистской деятельности».

Практика нормотворчества государств — членов ШОС показывает, что задача по криминализации проявлений экстремизма в киберпространстве решается посредством принятия законов о борьбе с пропагандой экстремизма и законодательных поправок для модернизации национального уголовного права. Сравнительный анализ применения национального законодательства о борьбе с экстремизмом представляется перспективным направлением для научных исследований в целях формирования «глобального индекса экстремизма» [5]. Избыточная криминализация распространения экстремистских материалов может приводить к многим правовым проблемам [17].

Анализ статистики по правонарушениям экстремистской направленности

Количественные и статистические методы анализа политики борьбы экстремизмом отражают активность правоохранительных органов в киберпространстве, политическую ситуацию в стране, общую динамику преступности экстремистского характера (рис. 1).

В Российской Федерации (РФ) за 2022 г. зарегистрировали 1566 преступлений экстремистского характера — рекордное за пять лет число, на 48,2% больше преступлений, чем в 2021 г. Согласно статистике, в 2018 г. было зарегистрировано 1265 преступлений экстремистской направленности, в 2019 г. — 585 после частичной декриминализации ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»³. Только в первой половине 2023 г. было выявлено около 1000 таких преступлений⁴, что позволяет прогнозировать некоторый рост преступности экстремистского

¹ Деятельность в Российской Федерации запрещена.

² Anti-terrorism Laws in Pakistan [Электронный ресурс] // NACTA. URL: <https://nacta.gov.pk/anti-terrorism-laws-in-pakistan/> (дата обращения: 07.11.2023).

³ В России в 2022 году зарегистрировали рекордное за пять лет число экстремистских преступлений [Электронный ресурс] // ТАСС. 29.01.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16910891?ysclid=loodtw95zt559953288> (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за семь месяцев 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. 16.08.2023. URL: <https://мвд.рф/news/item/40872901?ysclid=lopazhvcrl417498617> (дата обращения: 07.11.2023).

характера в России по итогам 2023 г. Вывод «о необходимости рассмотрения экстремистской и террористической деятельности в контексте информационной войны» [15] правилен и очевиден.

В Республике Казахстан (РК) в 2021 г. зарегистрировали 192 уголовных правонарушения, связанных с экстремизмом и терроризмом, — на 7,7% меньше, чем годом ранее¹. Протесты в Казахстане в январе 2022 г. не могли не сказаться на статистике экстремизма и терроризма. По факту этих событий расследовалось 494 уголовных дела, в том числе 44 — по актам терроризма, 34 — по массовым беспорядкам, 15 убийств и др.² Есть все основания полагать, что в 2023 г., когда критических угроз конституционному правопорядку РК не наблюдается, статистические показатели по преступлениям экстремистского характера вернутся в норму (см. рис. 1).

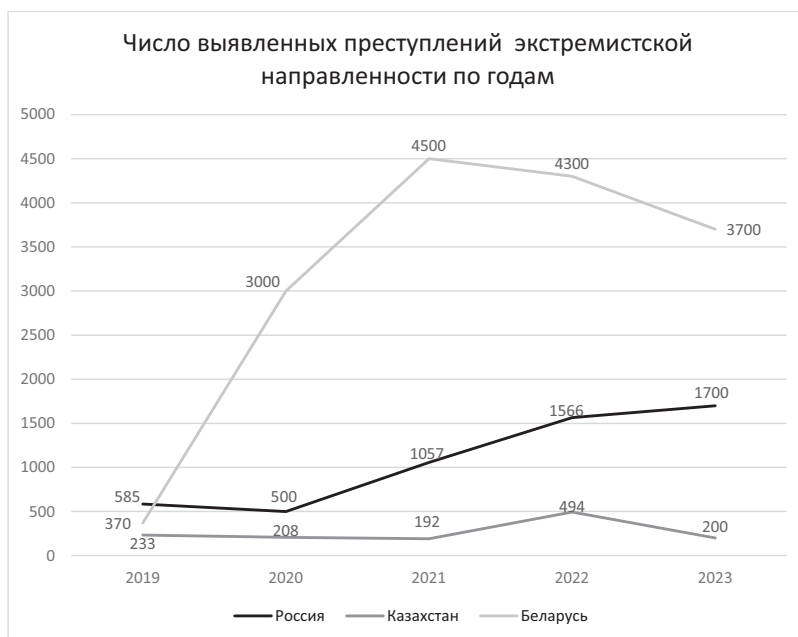

Рис. 1. Динамика преступности экстремистского характера в России, Казахстане и Беларуси 2019–2023 гг.

Fig. 1. Dynamics of extremist crime in Russia, Kazakhstan and Belarus 2019–2023

Источник: составлено авторами по данным МВД России, Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Численность населения Казахстана по результатам переписи на 1 августа 2022 г. составляет около 20 млн чел., в то время как, по данным Росстата, в России проживает около 147 млн чел. Расчет индекса восприятия экстремизма на основе полицейской статистики по противодействию экстремизму весьма проблематичен, однако показатель в 10 преступлений экстремистского характера на 1 млн чел. В год (при условии открытости статистики) можно признать нормой для демократического, правового государства.

Во многих государствах — членах ШОС статистика по насильственному экстремизму отражает политическую ситуацию в стране. Генеральный прокурор Республики Беларусь А.И. Швед в своем выступлении на XXI заседании генеральных прокуроров государств — участников ШОС в г. Сиань (КНР) 8 ноября 2023 г. отметил, что «с 2020 года в Беларуси зарегистрировано более 16 тысяч преступлений экстремистского характера», которые связаны с массовыми беспорядками, организованными «по технологиям

¹ Подпортили статистику: до 2022-го случаев терроризма из года в год было все меньше [Электронный ресурс] // Forbes. 14.02.202. URL: https://forbes.kz/news/2022/02/14/newsid_269533?ysclid=loly4jh84a651283277 (дата обращения: 07.11.2023).

² Информация для СМИ [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Казахстан. 13.01.2022. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/312074?lang=ru> (дата обращения: 07.11.2023).

цветных революций» после президентских выборов 2020 г., при этом он подчеркнул, что «более 70% преступлений экстремистского характера ... совершено с использованием информационных технологий»¹.

Ряд государств — членов ШОС сталкиваются со сложной ситуацией в борьбе с насильственным экстремизмом, что требует институциональных решений и влияет на характер правоприменительной статистики [7; 26]. В частности, в Пакистане, где ситуация с распространением идеологии насильственного экстремизма в начале 2000-х гг. была критической, благодаря работе и Национального антитеррористического органа (National Counter Terrorism Authority — NACTA) и полицейского Департамента по борьбе с терроризмом (Counter-Terrorism Department — CTD) в среднесрочной ретроспективе отмечается значительное снижение террористической активности (рис. 2) [26].

Рис. 2. Динамика террористической активности в Пакистане

Fig. 2. Dynamics of terrorist activity in Pakistan

Источник: составлено авторами по: [26, p. 12]

Практика правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений экстремистского характера свидетельствует, что изготовление материалов экстремистского характера может осуществляться на территории стран — членов ШОС, в частности, в Иране, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане [2].

В криминологии количественные методы используются для возрастной характеристики лиц, совершающих преступления экстремистского характера. Так, например, в России лица в возрасте от 18 до 35 лет составляют 87% от общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и из них 62% не имеют постоянной работы [Там же].

Тематические исследования борьбы с экстремизмом

Метод включенного наблюдения, исследование конкретных случаев (case study) и моделирование политических процессов используют общеполитические подходы для анализа феномена экстремизма и имеют принципиальное значение в понимании причин распространения экстремистской идеологии. В работах ученых, практикующих исследования экстремизма методами понимающей социологии, приемы дедукции и индукции, по результатам наблюдений, позволяют выявить религиозный, крайне правый и тактический экстремизм. Поскольку «международные правовые нормы глубоко укоренены в различных социальных

¹ Швед: Запад продолжает попытки дестабилизировать обстановку в Беларуси [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. 08.11.2023. URL: <https://sputnik.by/20231108/shved-zapad-prodolzhaet-popytki-destabilizirovat-obstanovku-v-belarusi--1080985825.html> (дата обращения: 26.11.2023); Генеральный прокурор Республики Беларусь Андрей Швед принял участие в 21-м заседании генеральных прокуроров государств — членов Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. 08.11.2023. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/generalnyy-prokuror-shos/> (дата обращения: 26.11.2023).

факторах и процессах (таких как нормы, идентичность и коллективная память)» [25], постольку в определенной степени политизация международного права неизбежна, а региональные нормы в праве международных организаций носят принципиальный характер.

Религиозный экстремизм распространен в странах Центральной Азии, где действуют различные международные неправительственные организации и фонды исламистской направленности. В последнее время политику исламизации общества проводят ряд исламских стран, таких как Саудовская Аравия, Пакистан, Иран и Турция. Пользуясь их поддержкой, свою деятельность активизируют радикальные (экстремистские в смысле права ШОС) исламские группы: салафиты, акромиды, ваххабиты, «Нурджулар»¹ [6, с. 66].

Основные противоречия между государствами — членами ШОС в политике борьбы с экстремизмом имеют религиозную основу. Так, в частности, известная проблема «маргинализации пуштунских племенных, живущих на периферии пакистанского государства» [21] и политика «их интеграции в конституционную структуру Пакистана» [Там же] является критически важным для национальной безопасности Пакистана вопросом.

На постсоветском пространстве активно действуют радикальные религиозные секты. Так, в частности, в то время как «прикрытием для деятельности “Акрамии”² являются различные курсы по обучению молодежи рабочим специальностям (ремонт автомобилей, бытовой техники, производству кондитерских изделий)» [11], основной задачей секты является разрушение светского государства и тотальная исламизация общества.

В условиях светского государства традиционная культура ислама нередко сталкивается с исламофобией. Агрессивное поведение отдельных мусульман становится причиной для дискредитации всех адептов ислама, что в корне неверно, так как, по сути, радикально (экстремистским образом) увязывает ислам с противоправным насилием. Даже в научных исследованиях «преступности и терроризма» слишком узкое внимание уделяется сходству между уличной культурой и джихадизмом, что способствует искажению образа мусульман, вовлеченных в уличную культуру, формируя всем мусульманам имидж потенциальных террористов» [29].

Крайне правый экстремизм связан с расизмом, нацизмом и оправданием практик геноцида. На основе научных исследований можно утверждать, что «авторитаризм» [27] является психологической основой правой идеологии, которая использует «ксенофобию» [28] в политических целях. Анализ экстремистской риторики в социальных сетях показывает, что группы, которые находятся дальше друг от друга в идеологическом плане, взаимодействуют меньше, при этом диалог между центристами, которые находятся по разные стороны разделения левых и правых, более вероятен, чем контакты «между центристами и экстремистами, принадлежащими к одному и тому же идеологическому крылу» [20]. Крайне правый экстремизм разрушает демократическое пространство социального диалога.

Тематическое исследование канадских «желтых жилетов» показывают криминогенный характер «белого националистического движения» [23], которое фетишизирует закон и порядок и пытается сохранить легитимность, распространяя экстремистские послания. Радикализация «желтых жилетов» отражает криминальные риски правых движений, однако она искажает анализ причин радикального протеста, создавая дистанцию между протестующими и основной национальной культурой [Там же].

Тактический экстремизм является средством борьбы за власть. Крайняя (экстремистская) партийная платформа обычно снижает вероятность успеха на выборах. Вместе с тем тактический экстремизм используется для создания альтернативной повестки дня. Суть тактического экстремизма состоит в том, что «партия жертвует ближайшими выборами, чтобы инвестировать в больший будущий успех» [22]. Надо полагать, что тактический экстремизм использует «тактические медиа» [13], сообщения которых активно распространяются в киберпространстве.

Институциональная основа противодействия экстремизму представлена Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) [16]. Директор Исполнительного

¹ Запрещены в Российской Федерации.

² То же.

комитета ПАТС ШОС Руслан Мирзаев, выступая в Ташкенте на конференции «Современная безопасность: вызовы и решения» 10 ноября 2022 г., отметил, что за год правоохранительные органы государств — членов ШОС «предотвратили 41 теракт и 283 преступления террористического, экстремистского и сепаратистского характера»¹. Институциональные исследования показывают, что ПАТС ШОС во многом определяет повестку дня ШОС [1] и политические ожидания результатов по борьбе «с экстремизмом и терроризмом, возлагаемые на региональные и субрегиональные объединения» [14, с. 1598].

Включенное наблюдение показывает, что относительно «беспрепятственная передача информации в Интернете может подвергнуть людей воздействию экстремистского контента» [24, р. 329]. Очевидно, что реализация закона Годвина (Godwin's Law), согласно которому «по мере разрастания дискуссии в сети вероятность сравнения, упоминания нацизм или Гитлера, стремится к единице», не должна приводить к ограничениям свободы слова. Данные онлайн-опросов молодежи показывают высокую вероятность контакта с онлайн-материалами, пропагандирующими насилие, которые провоцируют «чувство неудовлетворенности основными социальными институтами» [24, р. 329].

Дискурс-анализ противодействия экстремизму в ШОС

Дискурс-анализ, контент анализ и диалоговые нарративные исследования определяют понимание медиадискурса вокруг проблемы экстремизма в киберпространстве. Создание универсального подхода к киберпреступности экстремистской направленности в международном праве зависит от объективности методов анализа экстремистских материалов.

Нарративные исследования современных международных конфликтов показывают, что в киберпространстве широко распространился «насильственный экстремизм, порождающий террористические акты» [9], при этом реагирование со стороны правоохранительных органов определяется тем, что наиболее опасные идеологи терроризма все еще «становятся легитимной целью для операций военного характера» [Там же]. Когнитивные гибридные войны представляют все большую угрозу информационной безопасности государств.

Дискурс-анализ демонстрирует то, что экстремизм формируется на фоне ряда социальных условий, среди которых «стремление индивида к самореализации на фоне всеобщего безразличия к его проблемам» [10]. Уязвимые для вербовки через интернет-коммуникации индивиды нередко нуждаются в своевременной психологической помощи, такие традиционные ценности, как крепкая семья и качественное образование, существенно снижают угрозы, исходящие от экстремистского дискурса в киберпространстве.

Юридический анализ противодействия экстремистским практикам показывает, что «превентивная функция правового регулирования в отношении распространения идеологии насильственного экстремизма ... в оптимальной мере реализуется именно в рамках института уголовной ответственности» [8, с. 567], вместе с тем профилактика экстремизма может достигаться мерами правового воспитания и административным наказанием экстремистов.

Экспертиза экстремистских материалов используется в государствах — членах ШОС для борьбы с проявлениями насильственного экстремизма в киберпространстве. Литературные и мультимедийные экстремистские нарративы в Интернете требуют обстоятельного научного анализа для привлечения виновных в их создании и распространении к правовой ответственности.

В России для доказательства фактов пропаганды экстремизма в киберпространстве достаточно часто применяется психолого-лингвистическая экспертиза. Такое исследование «назначается для того, чтобы установить наличие/отсутствие значения, законодательно запрещенного для публичного выражения. Правовая оценка деяния, то есть установление того, является ли значение “экстремистским”, не входит в компетенцию лингвиста и психолога» [12]. Лингвисты используют контент-анализ и дискурсивный анализ для определения значения слов и выражений в спорных и подозрительных текстах.

¹ Региональная антитеррористическая структура ШОС за год предотвратила 41 теракт в странах Организации // Интернет-портал СНГ. 10.11.2022. URL: <https://e-cis.info/news/568/104601/?ysclid=loo223dg98444060929> (дата обращения: 07.11.2023).

Дискурс-анализ борьбы с экстремизмом используется при анализе практик профилактики экстремизма на национальном уровне. Например, европейские ученые Мелисса Шани Браун (Melissa Shani Brown) и Дэвид О'Брайен (David O'Brien) вместе с китайским профессором Сяолин Чжан (Xiaoling Zhang) отмечают, что в КНР концепция «пастырской власти» Мишеля Фуко (Paul-Michel Foucault) используется в официальных нарративах для изображения государства в качестве легитимного отечества для всех граждан [30]. Исследования в Урумчи, региональной столице Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, показывают то, «как последовательное официальное повествование о власти и авторитете создается и укрепляется ..., как история и современность изображаются в городских районах Синьцзяна, чтобы придать государству пастырскую роль, которая узаконивает применение силы ...» [Там же].

Заключение

Перспективными представляются исследования государственной политики борьбы с экстремизмом, которые наряду со статистическими данными по преступлениям экстремистской направленности уделяют внимание дискурс-анализу наиболее опасных проявлений регионального экстремизма в киберпространстве.

Эффективность международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом зависит от гармонизации национального законодательства. Перед ШОС стоит задача разработки регионального подхода к запретительному регулированию в киберпространстве для формирования атмосферы сотрудничества, доверия и взаимопонимания при сохранении цифрового суверенитета государств — членов ШОС.

Государства на постсоветском пространстве стремятся сохранить светский характер и воспринимают религиозный экстремизм как угрозу национальной безопасности, такую же позицию занимают Китай и Индия, в то время как исламские республики склонны более жестко наказывать граждан, совершающих религиозные преступления.

Методологический подход, при котором сравнительно-правовые исследования и данные статистики дополняются дискурс-анализом и нарративным анализом проявлений экстремизма, отражает различия в понимании национальных интересов в киберпространстве между странами и регионами. Такие государства — члены ШОС, как Китайская Народная Республика, Республика Индия (Бхарат) и Исламская Республика Пакистан, по-разному видят решение проблемы религиозного экстремизма в киберпространстве и склонны решать ее исключительно в национальных интересах применительно к конкретным проявлениям радикальной идеологии.

Литература

1. *Алешин В.В.* Нормативно-правовые основы антитеррористического сотрудничества в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право.* 2018. № 4. С. 22–33. EDN: ZDNFCX
2. *Баргаринов А. Р.* О криминалистической характеристике транснациональных преступлений экстремистского характера (по материалам Республики Казахстан) // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2020. № 4. С. 57–64. EDN: VNNNSZ
3. *Бибилова О. П.* Уйгурский джихад в Китае и Сирии // *Россия и мусульманский мир.* 2018. № 4 (310). С. 67–76. EDN: YQJNRB
4. *Глазунов О. Н.* Особенности правового регулирования интернет-отношений в Исламской Республике Иран // *Информационное право.* 2016. № 4. С. 34–37. EDN: XENRAD
5. *Глобальный индекс экстремизма / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова.* СПб. 2023. EDN: JTDWY
6. *Гусев Л. Ю.* Борьба с терроризмом и экстремизмом в центральноазиатских странах — членах ШОС // *Международная аналитика.* 2016. № 4 (18). С. 66–70. EDN: ZFCBRT
7. *Джаббари Насир Х. Р.* Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2016. Т. 16. № 4. С. 665–676. EDN: XWEYIX. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-665-676

8. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571. EDN: YTNWYL. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571
9. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Противодействие идеологии современного терроризма // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113). С. 8–18. EDN: UYSLGK. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-8-18
10. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 612–628. EDN: TUNCGU. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628
11. Кокошина Э. А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. Т. 9. № 4. С. 97–123. EDN: YVSIQK
12. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с. EDN: YOLZBF
13. Мельник Г. С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 3. С. 83–91. EDN: VCQPVJ
14. Мирзаянов Р. Х. Россия и международные организации в борьбе с глобальными угрозами экстремизма и терроризма // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81). С. 1598-1604. EDN: IAUACP. DOI: 10.35775/PSI.2022.81.5.024
15. Ульянов М. В. Новые тенденции экстремистской и террористической преступности и меры противодействия угрозам национальной безопасности // Вопросы безопасности. 2023. № 2. С. 27–34. EDN: EFCSTG. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.2.41007
16. Фаткулин С. Т., Мулюкова М. В. Сотрудничество правоохранительных органов государств — участников ШОС по противодействию международному терроризму и экстремизму // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 109–114. EDN: XKYDYC
17. Хлебушкин А. Г. Криминализация распространения экстремистских материалов: pro et contra // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 139–143. EDN: TAIYMV
18. Экстремизм в современном мире / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб., 2018. EDN: YAIDSX
19. Юрковский А. В., Радов В. В. Тенденции и предпосылки развития экстремизма и терроризма в Монголии // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8. С. 176–182. EDN: FCBFIX
20. Bright J. Explaining the Emergence of Political Fragmentation on Social Media: The Role of Ideology and Extremism // Journal of Computer-Mediated Communication 2018. Vol. 23. No. 1. P. 17–33. DOI: 10.1093/jcmc/zmx002
21. Cheema M., Yousaf F. Constitutionalizing a Perpetual Transition: The “integration” of the Pashtun “Tribal Areas” in Pakistan // International Journal of Constitutional Law 2020. Vol. 18. No. 4. P. 1405–1428. DOI: 10.1093/icon/moaa093
22. Eguia J., Giovannoni F. Tactical Extremism // American Political Science Review 2019. Vol. 113. No. 1. P. 282–286. DOI: 10.1017/S0003055418000758
23. Everett J., Tetrault C. Thinking Beyond Extremism: A Critique of Counterterrorism Research on Right-Wing Nationalist and Far-Right Social Movements // The British Journal of Criminology. 2022. Vol. 62. No. 2. P. 431–449, DOI: 10.1093/bjc/azab062
24. Hawdon J., Bernatzky C., Costello M. Cyber-Routines, Political Attitudes, and Exposure to Violence-Advocating Online Extremism // Social Forces 2019. Vol. 98. No. 1. P. 329–354. DOI: 10.1093/sf/soy115
25. Hirsch M. Invitation to the Sociology of International Law. Oxford, 2015. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199688111.001.0001
26. Khuram I., Muneeb S. Gap Analysis of Pakistan’s Non-kinetic Responses to Violent Extremism // Cogent Social Sciences. 2023. Vol. 9. No. 1. DOI: 10.1080/23311886.2023.2221906

27. *Luttig M. D.* Authoritarianism and Affective Polarization: A New View on the Origins of Partisan Extremism // *Public Opinion Quarterly* 2017. Vol. 81. No. 4. P. 866–895. DOI: 10.1093/poq/nfx023
28. *Skipple A.* The Importance of Significant Others in Preventing Extremism: The Philosophy and Practice of the Swedish Tolerance Project // *Young* 2020. Vol. 28. P. 422–438. DOI: 10.1177/1103308820914828
29. *Tutenges S., Sandberg S.* Street Culture Meets Extremism: How Muslims Involved in Street Life and Crime Oppose Jihadism // *The British Journal of Criminology* 2022. Vol. 62. No. 6. P. 1502–1517. DOI: 10.1093/bjc/azab117
30. *Zhang X., Brown M., O'Brien D.* “No CCP, No New China”: Pastoral Power in Official Narratives in China // *The China Quarterly* 2018. No. 235. P. 784–803. DOI: 10.1017/S0305741018000954

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: khlutkov-ad@ranepa.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Deltafox1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

References

1. Aleshin V. V. Regulatory and Legal Bases of Anti-terrorist Cooperation within the CIS, CSTO and SCO // *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law [Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo]*. 2018. No. 4. P. 22–33. (In Rus.) EDN: ZDNFCX
2. Bargarinov A. R. On the Criminalistic Characteristics of Transnational Crimes of an Extremist Nature (based on the Materials of the Republic of Kazakhstan) // *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences [Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki]*. 2020. No. 4. P. 57–64. (In Rus.) EDN: VNNNSZ
3. Bibikova O. P. Uighur Jihad in China and Syria // *Russia and the Muslim World [Rossiya i musul'manskii mir]*. 2018. No. 4 (310). P. 67–76. (In Rus.) EDN: YQJNRB
4. Glazunov O. N. Features of Legal Regulation of Internet Relations in the Islamic Republic of Iran // *Information Law [Informatsionnoe pravo]*. 2016. No. 4. P. 34–37. (In Rus.) EDN: XEHRAD
5. *Global Index of Extremism* / ed. by A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, A. D. Khlutkov, V. A. Shamakhov. Saint-Petersburg. 2023. (In Rus.) EDN: JTDRWY
6. Gusev L. Y. The Fight Against Terrorism and Extremism in the Central Asian SCO Member States // *International Analytics [Mezhdunarodnaya analitika]*. 2016. No. 4 (18). P. 66–70. (In Rus.) EDN: ZFCBRT
7. Jabbari Nasir H. R. Iran's Potential in the Fight Against International Terrorism // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 665–676. (In Rus.) EDN: XWEYIX. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-665-676
8. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Actual Problems of Countering Extremist Crimes // *All-Russian Criminological Journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]*. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 561–571. (In Rus.) EDN: YTNYYL. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571

9. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Countering the Ideology of Modern Terrorism // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 5 (113). P. 8–18. (In Rus.) EDN: UYSLGK. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-8-18
10. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Extremists: Criminals and Victims of Radical Violence // All-Russian Criminological Journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 612–628. (In Rus.) EDN: TUNCGU. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628
11. Kokoshina Z. A. The Role of the Shanghai Cooperation Organization in Countering Terrorism and Extremism in the post-Soviet Space // Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika]. 2017. Vol. 9. No. 4. P. 97–123. (In Rus.) EDN: YVSIQK
12. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Methods of Conducting Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials on Cases Related to Countering Extremism and Terrorism. Moscow : FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, 2014. 98 p. (In Rus.) EDN: YOLZBF
13. Melnik G. S. Tactical Media in Destructive Protest Technologies // Bulletin of St. Petersburg University. Episode 16. Psychology. Pedagogy [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika]. 2015. No. 3. P. 83–91. (In Rus.) EDN: VCQPVJ
14. Mirzazyanov R. H. Russia and International Organizations in the Fight Against Global Threats of Extremism and Terrorism // Questions of Political Science [Voprosy politologii]. 2022. Vol. 12. No. 5 (81). P. 1598–1604. (In Rus.) EDN: IAUACP. DOI: 10.35775/PSI.2022.81.5.024
15. Ulyanov M. V. New Trends in Extremist and Terrorist Crime and Measures to Counter Threats to National Security // Questions of Security [Voprosy bezopasnosti]. 2023. No. 2. P. 27–34. (In Rus.) EDN: EFCSTG. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.2.41007
16. Fatkuln S. T., Mulyukova M. V. Cooperation of Law Enforcement Agencies of the SCO Member States in Countering International Terrorism and Extremism // Law and Order: History, Theory, Practice [Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika]. 2019. No. 4 (23). P. 109–114. (In Rus.) EDN: XKYDYC
17. Khlebushkin A. G. Criminalization of the Distribution of Extremist Materials: Pro et Contra // Society and Law [Obshchestvo i pravo]. 2014. No. 4 (50). P. 139–143. (In Rus.) EDN: TAIYMV
18. Extremism in the Modern World / ed. by A. I. Bastykin, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhov. St. Petersburg, 2018. (In Rus.) EDN: YAIDSX
19. Yurkovsky A. V., Radov V. V. Trends and Prerequisites for the Development of Extremism and Terrorism in Mongolia // Legal Science: History and Modernity [Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost']. 2018. No. 8. P. 176–182. (In Rus.) EDN: FCBFIX
20. Bright J. Explaining the Emergence of Political Fragmentation on Social Media: The Role of Ideology and Extremism // Journal of Computer-Mediated Communication 2018. Vol. 23. No. 1. P. 17–33. DOI: 10.1093/jcmc/zmx002
21. Cheema M., Yousaf F. Constitutionalizing a Perpetual Transition: The “Integration” of the Pashtun “Tribal Areas” in Pakistan // International Journal of Constitutional Law. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 1405–1428. DOI: 10.1093/icon/moaa093
22. Eguia J., Giovannoni F. Tactical Extremism // American Political Science Review. 2019. Vol. 113. No. 1. P. 282–286. DOI: 10.1017/S0003055418000758
23. Everett J., Tetrault C. Thinking Beyond Extremism: A Critique of Counterterrorism Research on Right-Wing Nationalist and Far-Right Social Movements // The British Journal of Criminology. 2022. Vol. 62. No. 2. P. 431–449. DOI: 10.1093/bjc/azab062
24. Hawdon J., Bernatzky C., Costello M. Cyber-Routines, Political Attitudes, and Exposure to Violence-Advocating Online Extremism // Social Forces. 2019. Vol. 98. No. 1. P. 329–354. DOI: 10.1093/sf/soy115
25. Hirsch M. Invitation to the Sociology of International Law. Oxford, 2015. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199688111.001.0001
26. Khuram I., Muneeb S. Gap Analysis of Pakistan’s Non-kinetic Responses to Violent Extremism // Cogent Social Sciences. 2023. Vol. 9. No. 1. DOI: 10.1080/23311886.2023.2221906

27. Luttig M. D. Authoritarianism and Affective Polarization: A New View on the Origins of Partisan Extremism // Public Opinion Quarterly. 2017. Vol. 81. No. 4. P. 866–895. DOI: 10.1093/poq/nfx023
28. Skiple A. The Importance of Significant Others in Preventing Extremism: The Philosophy and Practice of the Swedish Tolerance Project // Young. 2020. Vol. 28. P. 422–438. DOI: 10.1177/1103308820914828
29. Tutenges S., Sandberg S. Street Culture Meets Extremism: How Muslims Involved in Street Life and Crime Oppose Jihadism // The British Journal of Criminology 2022. Vol. 62. No. 6. P. 1502–1517. DOI: 10.1093/bjc/azab117
30. Zhang X., Brown M., O’Brien D. “No CCP, No New China”: Pastoral Power in Official Narratives in China // The China Quarterly 2018. No. 235. P. 784–803. DOI: 10.1017/S0305741018000954

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor;
e-mail: khlutkov-ad@ranepa.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: Deltafox1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105